

0-772086

На правах рукописи

БАРИНОВА Екатерина Евгеньевна

**МЕТАТЕКСТ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ НАРРАТИВЕ
(А. БИТОВ, С. ДОВЛАТОВ, Е. ПОПОВ, Н. БАЙТОВ)**

Специальность 10.01.08 – Теория литературы. Текстология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тверь 2008

Работа выполнена в Институте филологии Сибирского отделения
Российской академии наук.

Научный руководитель доктор филологических наук, профессор
Игорь Витальевич Силантьев

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Нина Васильевна Семенова

кандидат филологических наук
Георгий Сергеевич Прохоров

Ведущая организация Томский государственный университет

Защита состоится *26 июня* 2008 г. в *14* часов на заседании диссертационного совета Д 212.263.06 в Тверском государственном университете по адресу: 170002, пр. Чайковского, 70, ауд. 48.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тверского государственного университета по адресу: г. Тверь, ул. Володарского, 44а.

Автореферат разослан *21 мая* 2008 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

С.Ю. Николаева

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000467791

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В последние десятилетия метатекст является объектом пристального внимания многих и различных гуманитарных наук. Понятие *метатекст* (МТ) используется в теории литературы, герменевтике, текстологии, семиотике искусства, библиографии, историографии, теории перевода, подвергается анализу в структурной лингвистике, психолингвистике, лингвистической поэтике и т.д.

Несмотря на востребованность понятия в литературоведении, МТ пока не стал предметом целостного монографического изучения. Вместе с тем, сам феномен метатекста описывается и анализируется гораздо чаще, и далеко не всегда с использованием самого термина. Так, речь может идти об «авторском повествовании в повествовании», «автометатекстуальности», «автометаописании», «метаописательном пласте текста», «метаописании», «саморефлексии», «автокомментарии», «метаповествовании» и т.д. Термин МТ употребляется также наряду с такими терминами, как «текст в тексте» («текст-в-тексте»), «текст о тексте», иптекст, интертекст, гипертекст и пр.

Кроме узкоспециального использования понятия МТ в отдельных дисциплинах, существует и расширительное толкование МТ. Например, МТ понимается как некая совокупная целостность текстов, написанных одним писателем (Е. А. Гончарова, Н. А. Смирнова) или группой авторов – МТ журнала, альманаха (В. С. Киселев), литературного цикла (Я. О. Глембоцкая, Л. Е. Ляпина) или МТ целого литературного направления (Н. А. Смирнова). Часто встречается употребление термина, восходящее, скорее, к лингвистической традиции (А. Вежицкая, И. Т. Вепрева, М. В. Ляпон, А. Н. Ростова, Н. П. Перфильева и др.), когда под МТ понимается не текст, а совокупность метатекстовых элементов, выполняющих преимущественно структурирующую и коммуникативную функции в тексте. В литературоведении и в целом в сфере семиотики одним из первых о метатекстуальности как о самостоятельной проблеме писал Ю. М. Лотман. Ценные сведения по МТ в интересующем нас аспекте мы найдем у М. П. Абашевой, Д. П. Бака, Х. Е. Кима, Н. А. Кузьминой, М. Н. Липовецкого, В. А. Лукина, Т. Л. Рыбальченко, С. Л. Скопкаревой, П. Х. Торопа и т.д.

Актуальность исследования вызвана необходимостью систематизации представлений о МТ и разработки его целостной теоретической модели, а также выработки принципов анализа постмодернистских нарративных литературных текстов с метатекстовой составляющей. Новизна и неоднозначность постмодернистской литературы порождают множественность интерпретаций, требуют новых подходов в изучении, обновления и уточнения терминологического аппарата литературоведения. Возникает новый инструментарий для осмысления и анализа актуальных литературных процессов. Появляются новые продуктивные исследовательские на-

правления, в числе которых можно назвать нарратологию. Сегодня нарратология является одним из перспективных направлений в изучении литературных произведений. Вместе с тем, многие вопросы этой области знания остаются мало исследованными. Разработанные ранее на базе фольклорного материала (В. Я. Пропп, А. Дандес, К. Брэммон) или литературы XIX–XX в. (Р. Барт, Ж. Женетт, В. Шмид) нарративные модели и схемы нарративного анализа далеко не всегда можно применить к современным литературным текстам. При анализе постмодернистских художественных произведений требуются новые подходы и существенные дополнения к ранее разработанным методам.

Элементы метатекстуальности встречались в литературных произведениях с тех пор, как человек начал задумываться о специфике и сущности литературы, размышлять над творческим процессом как таковым. Обычно появление феномена метатекстуальности в литературе связывают с возникновением рефлексивного начала в структуру художественного текста. На раннее возникновение в литературе элементов метатекстуальности, «выявляющих рефлексивную составляющую художественного творчества», указывает Ю. М. Лотман. Действительно, на определенных этапах своего развития литература раздвигает свои границы, вводя в сферу эстетического анализа сам художественный процесс. Постепенно «метатекстовый пласт» становится все более самостоятельным компонентом произведения, наделенным особыми функциями и наполненным специфическим содержанием (Ю. Н. Тынянов).

Метатексты как таковые наиболее характерны для постмодернистского художественного творчества, и усиление внимания к данному феномену в настоящее время происходит в силу изменения самой природы литературной текстуальности. В эпоху постмодернизма перенос художественного внимания на творческий процесс становится все более акцентированным, и литературная рефлексия настолько преобразуется и преобразует некоторые художественные тексты, что иногда становится сложно последовательно разграничить текст и МТ.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые разработана целостная теоретическая модель МТ в составе постмодернистского литературного нарратива, а также принципы и схема анализа постмодернистских произведений с МТ. В работе описан и систематизирован обширный исследовательский материал по проблеме метатекстуальности. На основе предложенной в диссертации теоретической гипотезы дана новая интерпретация ряда прозаических произведений, занимающих видное место в современной русской словесности.

Объектом исследования являются произведения русской литературы последней трети XX в., содержащие МТ в составе постмодернистского нарратива. *Предмет* изучения – литературный МТ как значимый компонент постмодернистского повествования.

Материалом исследования стали произведения, написанные в период 70-90-х годов XX века: «Пушкинский Дом» (1971) А. Битова, «Зона» (1982) С. Довлатова, «Подлинная история "Зеленых музыкантов"» (1997) Е. Попова, «Не-Х» Н. Байтова. В перечисленных произведениях метатекстуальность представлена наиболее ярко и разнообразно.

Различны и разнообразны формы выражения МТ в выбранных произведениях (письма, комментарии, эстетический манифест и т.д.). Также разной оказывается локализованность МТ, который может обрамлять повествование, перемежаться с нарративом или прилагаться к нему в конце (в качестве комментария, например). Различно место и роль МТ в структуре текста, степень влияния МТ на рассказываемые события, на сюжет произведения и т.д. На фоне разнообразия, тем не менее, отчетливо прорисовываются специфические черты метатекстуальности в сфере постмодернистской литературы, выявляются те критерии, которые позволяют разграничить МТ и претекст, отличить МТ от других текстовых образований. Видны и те особенности, которые он привносит в литературный нарратив.

При анализе произведений нами учтен опыт критического и научного освоения творчества писателей. Мы попытались проанализировать как те произведения, что попадали в поле зрения литературоведов достаточно давно, так и те, изучение которых только начинается. В частности, творчеству А. Битова на сегодняшний день посвящено достаточно много критических и литературоведческих работ. Произведения С. Довлатова вызывают последнее время все больший интерес у исследователей и критиков литературы. Творчество Е. Попова исследовано в меньшей степени, а тексты Н. Байтова не только мало изучены, но и малоизвестны.

Выбор имен и текстов представляется репрезентативным как с позиций обозначенной темы, так и в хронологическом аспекте. «Пушкинский Дом» считается своего рода программным произведением, в котором А. Битов одним из первых в русской литературе реализовал многие существенные черты поэтики постмодернизма. В отличие от новаторского романа А. Битова, довлатовская проза воспринимается читателем как более традиционная. Тем не менее, она содержит ряд структурно-композиционных особенностей, характерных для постмодернистских произведений, и в «Зоне» феномен метатекстуальности реализован достаточно своеобразно (в виде писем). «Подлинная история "Зеленых музыкантов"» Е. Попова – яркий пример автокомментария, где сноски занимают гораздо больший объем, чем комментируемый рассказ «Зеленые музыканты». Закрывает этот ряд сборник произведений Н. Байтова, сформированный к концу 1990-х годов. Если выбранный нами текст Е. Попова являет также и пример излишней гипертрофированности МТ, формальности приема, что может указывать на то, что потенциал метатекстуальности исчерпывается, то проза Н. Байтова говорит об иной тенденции. Она являет пример неожиданного, весьма необычного использования возможностей МТ. В прозе

Н. Байтова компоненты МТ выступают как своеобразный эстетический манифест и позволяют нарратору вести «непосредственный» диалог с читателем.

Методы исследования определены с учетом специфики исследуемого материала и задачами его изучения. Методологической основой диссертации послужил структурно-семиотический подход, позволяющий рассмотреть МТ с точки зрения его референтной соотнесенности, проанализировать МТ с учетом его взаимоотношений с другими элементами текста, а также рассмотреть МТ в прагматическом аспекте, с точки зрения его значимости в эстетической коммуникации. При этом, как это допустимо в теоретико-литературных исследованиях, логико-дедуктивный метод преобладает над логико-индуктивным, а объектом анализа становятся не только литературные тексты, но и теоретические концепции, утвердившиеся в науке.

Поскольку в сфере нашего внимания оказались постмодернистские произведения, явилась необходимость опоры на теоретические труды по проблемам постмодернистской эстетики. Прежде всего, это работы Р. Барта, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотара, У. Эко и др., а также работы русскоязычных исследователей, учитывающих специфику русской постмодернистской литературы: В. М. Диановой, И. П. Ильина, Н. Л. Лейдерманя, М. Н. Липовецкого, Н. Б. Маньковской, И. С. Скоропановой и др. Исследования в области интертекста (И. В. Арнольд, И. П. Ильин, Ю. Кристева, И. П. Смирнов, М. Б. Ямпольский) оказались продуктивными при осмысления онтологического статуса МТ и особенностей его референции. Учет гипертекстуальных характеристик МТ (М. Визель, Л. В. Зимина, Ж.-Л. Лебрав, М. М. Субботин и др.) оказался важным при определении места и роли МТ в структуре нарративного произведения.

Для освещения коммуникативной природы МТ, эксплицитно ориентированного на реципиента, на событийность встречи читателя с текстом, на проблему его интерпретации, были использованы идеи М. М. Бахтина, труды, связанные с проблемой постмодернистского автора (Р. Барт, М. Фуко) и читателя (У. Эко).

Особенно важную роль для методологического обеспечения диссертации играют методы нарратологического анализа, выработанные в трудах В. Я. Проппа, Р. Барта, Ж. Женетта, П. Рикера, В. Шмида, Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпы и др. Нарратологический подход необходим при определении места МТ в системе повествовательных уровней произведения. Опора на имеющиеся нарратологические понятия и модели позволяет произвести последовательное разграничение событий, о которых повествуется, и события самого рассказывания (М. М. Бахтин), а также прояснить субъектную организацию нарративов с МТ, дифференцировать вымышленных и реальных участников эстетической коммуникации (Н. Д. Тамарченко, В. Шмид).

Целью диссертации является исследование специфических свойств и характеристик МТ, разработка теоретической модели МТ в постмодернистском литературном нарративе, имеющем свои структурно-содержательные и функциональные особенности, а также разработка принципов анализа литературных нарративных произведений с метатекстовой составляющей.

В соответствии с указанной целью в диссертации ставятся следующие *задачи* исследования:

- рассмотреть сложившиеся в науке теоретические представления и концепции МТ и систематизировать их;
- определить совокупность признаков и свойств МТ с учетом специфики функционирования МТ в постмодернистском литературном нарративе, очертить референтное поле МТ;
- установить, как МТ встраивается в структуру литературного нарратива, каким образом МТ взаимодействует с другими компонентами литературного текста, как соотносится с различными уровнями литературного произведения;
- определить коммуникативный потенциал МТ с учетом особенностей субъектной организации нарративного произведения;
- выявить основные функции МТ в литературном нарративе;
- рассмотреть соотношение нарративного и анарративного в МТ;
- в итоге, разработать целостную теоретическую модель МТ в постмодернистском литературном нарративе.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В исследовании разработана теоретическая модель МТ в постмодернистском литературном нарративе. В рамках референтного поля МТ, определяемого на основе трехуровневой теоретической модели нарратива, основополагающим является событие рассказывания (история создания произведения, фигура нарратора-писателя, коммуникация с читателем). Вторым по значимости становится уровень нарративного текста, который подробно комментируется и интерпретируется в МТ. Уровень изображаемых в повествовании событий (претекст) затрагивается в МТ лишь косвенно.

2. Выявлены основные функции и характеристики МТ как автономного и эксплицитного компонента постмодернистского нарратива, позволяющие обнаружить МТ в произведении, дифференцировать МТ и претекст, МТ и разного рода субтексты, многочисленные в постмодернистских произведениях.

- Рефлексивная функция. Рефлексивность является одной из существенных характеристик МТ. Она обусловлена тексто- и литературоцентричностью МТ, что непосредственно сказывается на его жанровых, стилевых и языковых отличиях, придающих МТ черты полидискурсивности. На уров-

не акта наррации эксплицирована субъективная авторефлексия нарратора-писателя как главного героя МТ.

- Коммуникативная функция. Коммуникативность МТ проявляется в диалоге фиктивного нарратора и читателя, способствуя активизации читательского восприятия. Диалогичность МТ содействует формированию иллюзии, что произведение создается как бы в процессе чтения, что придает интригу метатекстовому повествованию.

- Структурирующая функция. МТ усиливает такие черты постмодернистского нарратива, как его фрагментарность, автономность частей, отсутствие классической иерархии, нелинейность повествования и др.

3. На основе разработанной теоретической модели МТ с учетом обозначенных характеристик МТ предлагается схема анализа постмодернистских литературных произведений нарративного характера с метатекстовым компонентом.

4. В ходе анализа литературного материала раскрыт амбивалентный характер МТ как самоценного текстового образования. Показано, что МТ становится более автономным и содержательно наполненным (по сравнению с претекстом) компонентом постмодернистского нарратива, приобретающий все больше нарративных характеристик и становясь своеобразным повествованием в повествовании со своими героями, интригой и особым типом литературоцентричной событийности.

Теоретическая значимость работы заключается в систематизации представлений и концепций литературного МТ и разработке целостной теоретической модели МТ, позволяющей более полно описать нарративную поэтику русской постмодернистской литературы. Результаты исследования могут быть учтены в дальнейшей разработке нарративных моделей постмодернистской литературы.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется возможностью использовать полученные результаты при подготовке общих и специальных курсов по теории литературы, а также истории новейшей русской литературы.

Апробация работы. Основные положения работы были представлены в виде докладов на Международных научных конференциях «Культура и текст» (Барнаул, 2005), «М.Ю. Лермонтов: художественная картина мира» (Кемерово, 2006), «Нарративные традиции славянских литератур (средневековые и новое время)» (Новосибирск, 2006); на региональных конференциях молодых ученых Института Филологии СО РАН (Новосибирск, 2005, 2006, 2007), на филологических чтениях «Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: мета- и реинтерпретация», «Проблема интерпретации в литературоведении» (Новосибирск, 2005, 2006, 2007).

Структура диссертации предопределена ее содержанием. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во *ВВЕДЕНИИ* обоснована актуальность темы, определена степень ее изученности; сформулированы цель, задачи, методология исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации.

ГЛАВА 1 диссертации, *ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО МЕТАТЕКСТА*, состоящая из 7 параграфов, посвящена анализу понятия МТ в теоретико-методологическом аспекте и разработке теоретической модели МТ. В ней рассматриваются представления и концепции МТ и производится систематизация теоретико-литературных исследований по данной тематике с привлечением данных из других областей литературоведения, связанных, прежде всего, с изучением нарративов и выявлением ключевых свойств постмодернистской литературы.

В *ПАРАГРАФЕ 1 КОНЦЕПЦИИ МЕТАТЕКСТА В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ* рассматривается понятие МТ, особенности употребления данного термина и история изучения явления метатекстуальности.

Появление термина *метатекст* обычно связывают с работой А. Вежбицкой «Метатекст в тексте» (1978). Поэтому вполне закономерно, что прежде всего данное понятие взяли на вооружение лингвисты (исследования И. Т. Вепревой, М. В. Ляпон, В. А. Шаймиева, монографии А. Н. Ростовской, Н. П. Перфильевой и т.д.). В языкознании под МТ, как правило, понимается не системное текстовое образование, а имеющийся в языке набор специальных (мета)элементов, сопровождающих основной текст (вводные слова, конструкции и т.д.).

Среди работ лингвистов нам наиболее интересна монография В. А. Лукина. Во-первых, объектом его анализа становятся художественные тексты, а во-вторых, он последовательно различает разные метаязыковые знаки: метатекстовый элемент, метатекстовый фрагмент и непосредственно МТ. Если метатекстовые элементы встречаются практически во всех текстах, то метатекстовые фрагменты появляются в произведениях реже, обладают более самостоятельными характеристиками и функциями (но не составляют собой текста). МТ обеспечивают глобальную связность и самописание целого текста и содержатся далеко не во всех литературных произведениях.

В последнее время термин МТ используется все чаще, при этом явление метатекстуальности может интерпретироваться по-разному. Встречается как излишне расширительные трактовки термина (метанаррация, метаповествование), так и узкоспециальные (в библиографии, теории перевода). В данном разделе рассмотрены наиболее часто встречающиеся подходы к МТ. Нередко встречаются способы употребления термина, которые

можно отнести к лингвистической традиции, восходящей к вышеупомянутой статье А. Вежбицкой, где МТ скорее имплицитен и реконструируется из разрозненных метаэлементов, так или иначе присутствующих в произведении (А.А. Асоян, М.В. Строганов, Х.Е. Ким). В некоторых работах говорится именно о метатекстовых компонентах (элементах) (Л.Е. Ляпина, С. Н. Николаев).

Мы рассматриваем МТ как самостоятельный текст, как автономный и эксплицитный компонент постмодернистского нарратива. Метатекстовые элементы, фрагменты могут интересовать нас только в историческом аспекте. Сначала метатекстовые знаки появлялись в литературных произведениях именно в виде метатекстовых элементов, фрагментов (Ю. М. Лотман, Ю. Н. Тынянов, в настоящее время Д. П. Бак, Т. Ф. Плеханова), и только в литературе постмодернизма появляются достаточно самостоятельные и целостные МТ.

Благодаря МТ в поле зрения читателя оказываются не только описываемые события вымышленного мира (как в традиционном нарративе), но и персона самого писателя, а также история написания произведения. В связи с этим МТ попадает в сферу внимания исследователей феномена метапрозы (Д. М. Сегал, М. Н. Липовецкий, М. П. Абашева) и метапоэтики (К. Э. Штайн, И. Н. Иванова, В. А. Шаповалов). Понятия метапроза и метапоэтика (как «поэтика по данным метатекста и метапоэтического текста», К. Э. Штайн) гораздо шире понятия МТ.

Отметим также, что термин МТ, в силу своей вторичности, предполагает некоторую «парность», наличие объекта описания. В исследовательской литературе встречается множество вариантов наименования метатекстового компонента повествования (вторичный, внешний, обрамляющий, производный) и неметатекстового, описываемого (референт, прототекст, претекст; основной, базовый, материнский, исходный текст). Поскольку в ходе работы приходится так или иначе различать, описывать и сопоставлять метатекстовые и неметатекстовые части произведений, последние обозначаются термином *претекст*.

В ПАРАГРАФЕ 2 ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТАТЕКСТУАЛЬНОСТИ рассматриваются концепции и понятия эстетики постмодернизма, позволяющие глубже понять специфику метатекстуальности.

Постмодернизм достаточно сложное и неоднозначное явление культуры последней трети XX в. Далеко не все критерии литературного постмодернизма, выявляемые большинством литературоведов и теоретиков искусства (Р. Барт, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар, У. Эко, В. М. Дианова, И. П. Ильин, Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий, Н. Б. Маньковская, И. С. Скоропанова), бывают реализованы в конкретном произведении. Мы остановились подробнее именно на тех характеристиках постмодернист-

ской литературы, которые так или иначе могут быть проявлены в художественных нарративах с МТ.

В связи с выяснением природы вторичности МТ рассматривается явление интертекстуальности (И. В. Арнольд, И. П. Ильин, Ю. Кристева, И. П. Смирнов, М. Б. Ямпольский). Здесь важны изменения в референтной соотнесенности постмодернистских произведений, по мнению исследователей, отсылающих читателя не к реальности, а к другим текстам. Поэтому отмечается повышенная литературоцентричность произведений, стремление постмодернистских писателей к эклектике, включению в свое творчество всего (не только литературного) опыта мировой культуры, к расширению контекста и вовлечению нового материала в сферу литературы. Способствует последнему и интерес писателей к процессу означивания, «референтной семантике художественного знака» (И. П. Смирнов), который эксплицируется в многочисленных автокомментариях, метаописаниях, встраиваемых в повествование. Это напрямую связано с онтологией МТ, отсылающего читателя не к чужеродным текстам, а к претексту, осмысливаемому писателем в процессе творчества.

Также мы касаемся особенностей постмодернистской эстетической коммуникативной модели, где по-новому распределяются роли автора и читателя. Проблема снятия индивидуальности («смерти автора» Р. Барт) заявленная в постмодернизме, звучит по-иному в аспекте метатекстуальности. Но коммуникативность МТ во многом позволяет перенести в нарративе акцент на читателя, эксплицируя при этом проблему восприятия и интерпретации произведения.

Рассматриваются в данном параграфе и новые принципы создания постмодернистских текстов, их конструктивные особенности: ризоматичность, фрагментарность, неиерархичность. Нелинейность и многомерность нарративов с метатекстовым компонентом сопрягается с феноменом гипертекстуальности (М. Визель, Л. В. Зимина, Ж.-Л. Лебрав, М. М. Субботин и др.). МТ может выступать некоторым метаорганизатором достаточно независимых, иногда разобренных частей повествования, эксплицируя связи между ними.

Также был затронут феномен постмодернистской *игры* и *иронии*, способствующих нарушению как внутритекстуальных границ, так и взаимоотношений вымысла и реальности. В игровом контексте, на фоне ироничности текст всегда амбивалентен и не поддается однозначной интерпретации.

В ПАРАГРАФЕ 3 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА НАРРАТИВНОГО ДИСКУРСА С МЕТАТЕКСТОВЫМ КОМПОНЕНТОМ мы обращаемся к разработанным нарратологами концепциям, понятиям и категориям, на которых может базироваться наше исследование.

Исследователи предлагают выделять различные базовые единицы и ключевые уровни повествования (А. Н. Веселовский и В. Я. Пропп, русская формальная школа, французская структуралистская традиция), также

разрабатываются всевозможные модели нарратива (Р. Барт, Ж. Женетт, В. Шмид и др.). В диссертации преимущественно мы опираемся на трехуровневую модель нарратива Ж. Женетта: *повествование* (собственно текст) – дискурс, в котором излагается ряд событий; *история* (последовательность событий, являющихся объектом данного дискурса, и *наррация* – акт повествования как таковой. Важным в контексте метатекстуальности является разграничение событий, *о которых рассказывается*, и *события самого рассказывания* (М. М. Бахтин). Благодаря МТ на акт наррации делается особый акцент, он становится самоценным и даже преобладающим уровнем в литературном нарративе.

В связи с преобладанием уровня повествования в центре внимания оказываются фигуры нарратора (изображающему субъекту принадлежит ключевая роль в коммуникативной ситуации) и читателя, к которому постоянно обращается рассказчик. Основываясь на модели коммуникативных уровней В. Шмида, мы также рассмотрели грани коммуникативного события в нарративном дискурсе, где различаются *конкретные* (реальные) участники ситуации и *фиктивные* (изображенные и изображающие) субъекты повествования. Особенно здесь важны фиктивный нарратор и фиктивный читатель в связи с проблемой разграничения литературного, вымышленного и реального (Н. Д. Тамарченко, В. Шмид).

В ПАРАГРАФЕ 4 ВТОРИЧНОСТЬ МЕТАТЕКСТА И ЕГО РЕФЕРЕНТНОЕ ПОЛЕ подробно рассматриваются содержательные характеристики МТ, особенности его вторичной природы.

Во многих имеющихся на сегодня определениях МТ как «текста о тексте» в первую очередь отмечается его вторичность, то, что объектом описания МТ должен являться некоторый, написанный ранее, текст (в выбранной нами терминологии *претекст*) (В. А. Лукин, Т. Л. Рыбальченко, Н. А. Кузьмина, Я. Э. Ахапкина, Т. С. Глушакова, А. В. Голубков).

Несмотря на то, что с позиций постмодернистской эстетики текстуальность современных произведений признается вторичной (интертекстуальность), есть возможность дифференцировать референтные и метареферентные аспекты в нарративах с МТ. Поэтому в первую очередь мы попытались установить общие и различные черты интертекстуальности и метатекстуальности, делая упор на специфику МТ. Если интертекст предполагает диалог с чужими текстами, то МТ писатель «наслаивает» на свой же претекст. Поскольку метатекстуальность предполагает взаимодействие соприродных (претекст и МТ), а не чужих текстов, между первичной и вторичной частями произведений выстраиваются преимущественно двусторонние связи. Хотя это не лишает сам МТ некоторых черт интертекстуальности (и интермедийности). Но в данных случаях особенностью МТ является экспликация заимствований и связей, накладывающая ограничения на интерпретацию произведения, что говорит о проявлении в МТ и характеристик гипертекста. В МТ важными оказываются не только межтексто-

вые взаимодействия, в нем активно задействована игра на границах художественного и эмпирического миров, по-особому вовлекающая в свое поле реальных участников эстетической коммуникации (конкретных писателя и читателя).

Чтобы систематизировать весьма разнородную, на первый взгляд, метатекстовую информацию, мы обратились к трехуровневой модели нарратива. Одно из центральных мест в референтной области МТ занимает *уровень наррации*. Благодаря МТ малозаметное в классическом нарративе событие рассказывания становится полноправным и самоценным событием постмодернистского художественного произведения. Повествовательный акт в данном случае предполагает явную экспликацию участников эстетической коммуникации. Наибольшее внимание привлекает к себе сам нарратор, рассказывающий о своей творческой и/или личной биографии. Но и фигура фиктивного читателя при этом не остается в тени. Благодаря этому возникает эффект «одновременности» повествовательного акта и акта восприятия текста. Этот фактор еще больше способствует переносу внимания конкретного читателя с повествуемых – «не настоящих» – событий мира героев (первичный событийный ряд) на событие повествования.

В поле референции МТ также оказывается нарративный *текст* как семиотический объект. Метатекст поясняет особенности его строения, жанра, языка и т.д. Метанарратив повествует о способах создания произведения, о реализации (нереализации) авторского замысла, о соотношении реальности и текста. Высокая доля рефлексии порой приводит к тому, что осмысление собственного повествования обретает некоторый оттенок научности, МТ принимает черты текстологического исследования.

При этом первичного *событийного ряда* МТ касается лишь в тех случаях, когда речь идет о творческом замысле автора, а также при сопоставлении явлений художественного мира с историко-культурным (внелитературным) контекстом. Но, несмотря на то, что в МТ подчеркивается литературность, вымышленность повествуемого мира, само повествование – тоже часть художественной действительности произведения.

Таким образом, отталкиваясь от имеющихся определений МТ, где говорится о его вторичности, мы уточнили особенности этой важной характеристики МТ. Можно сказать, что претекст сопрягается с первым *событийным* уровнем теоретической модели нарратива, – здесь формируется художественный мир, события которого образуют первичный событийный ряд. Вторая событийная линия соотносится с метатекстовой частью, в центре ее внимания – *акт наррации*. МТ как «текст о тексте», действительно, литературо- и текстоцентричен. Он вторичен в том смысле, что может появиться только на базе претекста, и событийность МТ концентрируется вокруг написания (создания) данного претекста. Референтное поле МТ в первую очередь соотносимо с уровнем повествовательного текста произведе-

ния и с уровнем акта наррации, в котором сходятся все основные векторы внимания МТ.

В ПАРАГРАФЕ 5 МЕТАТЕКСТ И ПРЕТЕКСТ изучается взаимодействие МТ с другими компонентами текста нарративного литературного произведения. В литературоведении часто отмечается своеобразная инкорпорируемость МТ в художественное произведение, когда МТ определяется как «текст в тексте», интекст (Ю. М. Лотман, В. А. Лукин, Т. Л. Рыбальченко, С. Л. Скопкарева, П. Х. Тороп и др.). Но подобная трактовка может быть излишне расширительна (далеко не каждый «текст в тексте» является МТ), а в имеющихся определениях МТ отражены далеко не все его особенности.

Необходимо выработать более четкие критерии, позволяющие отличить МТ от прочих субтекстов, довольно многочисленных в постмодернистских произведениях. Кроме содержательных особенностей (этому был посвящен предыдущий параграф), важным представляется учет «авторства» – у МТ с претекстом всегда один автор и один рассказчик.

Поскольку мы рассматриваем МТ как достаточно самостоятельное текстовое образование, обладающее внутренней структурностью и формально выраженными границами, мы постарались обнаружить, каким образом МТ эксплицируется в произведениях. В большинстве случаев МТ подчеркнуто автономен (выделен другим шрифтом или отступами, снабжен подзаголовком или другими маркерами), его место в структуре нарратива достаточно произвольно (он может обрамлять претекст или локализуется внутри).

Также мы коснулись проблемы взаимосвязанности претекстовой и метатекстовой частей произведения. С одной стороны, описательность МТ предполагает связь с объектом описания, с претекстом (так же как событие рассказывания возможно только когда *о чем-то* рассказывается). Поэтому МТ всегда надо рассматривать в совокупности с претекстом. С другой стороны, МТ достаточно автономен, что в целом отвечает тенденциям фрагментарности, монтажности постмодернистских текстов. Тем не менее, связи обоих слоев повествования обнаруживаются на разных уровнях. Их выявление облегчено гипертекстуальным (эксплицитным) характером взаимосвязей, которые имеются как внутри МТ, так и между претекстовой и метатекстовой частями произведения. Нелинейный характер постмодернистского повествования при этом выражен не только в МТ, он может быть особенностью первичной (претекстовой) наррации. При этом МТ могут быть присущи как структурирующие, так и деструктивные функции.

В ПАРАГРАФЕ 6 МЕТАТЕКСТ КАК ПОЛЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ МТ изучается в прагматическом аспекте. В наибольшей полноте МТ может быть рассмотрен с учетом анализа его как объекта эстетической коммуникации.

Многие нарратологи отмечают двойственность субъектной организации нарратива, когда на одном полюсе находятся реальные участники эстетической коммуникации (конкретные автор и читатель), на другом – вымышленные (фиктивный нарратор и фиктивный читатель в терминологии В. Шмида). В случаях с МТ ситуация «осложняется» тем, что нарратор не только позиционируется как писатель, вымышленная биография повествователя имеет черты сходства с биографией конкретного автора, творческие искания рассказчика пересекаются с проблемами реального писателя, с его профессиональными поисками. Не удивительно, что в связи с этим исследователей интересует феномен метапрозы (Д. М. Сегал, М. Н. Липовецкий), случаи сближения автора и образа рассказчика (Т. Н. Маркова), проблема писательской самоидентичности (М. П. Абашева) и т.д. Можно сказать, что здесь, вопреки крайним позициям логоцентризма и текстоцентризма, акцент переносится на личность писателя, его напряженную творческую рефлекссию. Фигура нарратора становится одной из центральных в МТ. В задачи нашего исследования не входит анализ МТ как основания для реконструкции личности автора, его убеждений, интенций и т.д. Мы лишь указываем на наличие данного аспекта метатекстуальности в связи с проблемой разграничения конкретных и фиктивных участников нарративной коммуникации.

Сегодня интерес исследователей смещается в сторону читателя. Именно МТ, соотносимый с актом наррации, выводит произведение во внешний мир, связывает повествователя с адресатом. В МТ содержится множество прямых обращений к фиктивному читателю, вопросов, советов, инструкций, пожеланий и т.д., что не может не отражаться на восприятии произведения конкретным реципиентом. Также МТ способствует и преодолению двойственности письменной коммуникации, создавая иллюзию одновременности повествования и рецепции, что также содействует формированию ситуации диалога, со-творчества.

С точки зрения восприятия произведения мы попытались выявить ведущие функции МТ. Опираясь на три основных повествовательных уровня (рассказываемые события, акт наррации и нарративный текст), мы выделили метанарративную; коммуникативную; структурирующую и комментирующую функции соответственно. МТ является важным условием для наиболее адекватного восприятия и понимания литературного произведения. Метанаррация позволяет поместить претекст в очень обширный историко-культурный контекст, комментарии также значительно влияют на восприятие произведения, т.к. содержат множество дополнительной информации, важной для интерпретации. Можно сказать, что именно МТ позволяет реализовать коммуникативный потенциал нарративного дискурса наиболее полно.

В ПАРАГРАФЕ 7 СООТНОШЕНИЕ НАРРАТИВНОГО И АНАРРАТИВНОГО В МЕТАТЕКСТЕ в центре исследовательского внимания оказываются повествовательные характеристики МТ.

Литературоведы, выделяя критерии нарративности, как правило, главными и неизменными факторами повествования называют *событие* и/или акт *наррации*. Сами нарратологи отмечают, что не существует строгих критериев, позволяющих однозначно разграничить повествование и неповествование. Например, события практически всегда сопровождаются (ненарративными) описаниями и диалогами (Ж. Женетт, В. Шмид, В. И. Тюпа). Здесь важно подчеркнуть, что описания в пределах претекста не равнозначны автореферентным метатекстовым описаниям, в которых нарратор-писатель комментирует и интерпретирует собственное произведение. Высокая доля рефлексии придает МТ некоторое языковое, стилистическое, жанровое своеобразие – МТ вообще становится местом динамичного и плодотворного пересечения различных дискурсов (литературного и литературоведческого прежде всего). Эти характеристики также помогают идентификации МТ, при этом его художественный статус сохраняется во многом благодаря иронии, игре, метафоричности и образности языка. А интеллектуализация и теоретизация литературного дискурса характерна для эпохи постмодернизма в целом, когда меняется классическое соотношение искусства и науки (Ж.-Ф. Лиотар, И. П. Ильин, Н. Б. Маньковская).

Отмечая двойную событийность нарратива, нарратологи, тем не менее, практически не рассматривают событие рассказывания как доминирующий фактор в произведении. Появление МТ требует иной расстановки акцентов. Событие повествования становится настолько акцентировано, что ситуация комментирования, объяснения, общения с аудиторией привлекает к себе все больше внимания, порой затмевая интерес к событийной основе претекста. В некоторых случаях даже возможно говорить о некотором *дополнительном повествовании* в повествовании (Е. З. Измаева, С. Л. Скопкарева).

Диалоги в МТ также имеют иную природу, нежели диалоги персонажей претекстового уровня. МТ только на первый взгляд может показаться монологичным. МТ действительно во многом описателен, авторефлексивен, может быть теоретичным, но при этом не автокоммуникативен, наоборот, зачастую он представлен в виде диалога (с фиктивным читателем).

Нельзя также говорить об отсутствии событийной основы в МТ. Напротив, повествовательный акт принимает гипертрофированные формы и начинает доминировать в произведении, приобретая статус самостоятельного, самоценного события. Также МТ всегда ярко и объемно представляет фигуру рассказчика, не только его комментарии к претексту, но и его авторефлексию, жизнеописание. Поэтому можно говорить об образовании своеобразного метасюжета, обрамляющего первичное повествование, со своим особым типом литературоцентричной событийности, где ядром ста-

новится творческий процесс как проживание жизни рассказчиком-писателем – от момента замысла произведения, до его завершения, публикации и прочтения читателем.

В ГЛАВЕ 2 ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА МЕТАТЕКСТА В ПОСТМОДЕРНИСТКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ НАРРАТИВЕ, состоящей из 6 параграфов, проводится анализ различных способов реализации МТ в постмодернистском литературном нарративе, выявляются особенности функционирования МТ в произведении.

В ПАРАГРАФЕ 1 ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА МЕТАТЕКСТА В ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТМОДЕРНИСТКОМ НАРРАТИВЕ перечисляются основные характеристики и функции МТ, позволяющие обнаружить и проанализировать литературный МТ в постмодернистском нарративе. Для выявления МТ в произведении необходимо учитывать субъектную организацию нарратива (в МТ повествование ведется от лица первичного нарратора-писателя), также важно очертить референтное поле МТ. С текстоцентричным аспектом связана соотнесенность МТ с нарративным уровнем текста. Подобные самоописания затрагивают особенности языка, стиля и жанра произведения, специфику его строения и т.д. Литературоцентричность МТ проявляется в том, что рефлексия над собственным творчеством невозможна без сопоставления его с другими произведениями, без учета литературного и культурного контекста. Как правило, в МТ эксплицируется граница между рассказываемыми событиями и событием рассказывания, которое становится одним из центральных событий МТ. Поэтому в МТ представлено довольно много сведений об истории создания произведения, о нарраторе, а также уделяется внимание фиктивному читателю. Помещенный в нарратив МТ сам приобретает черты нарративности – несмотря на описательность и авторефлексивность, МТ события и коммуникативен.

Выделив, отграничив МТ от остальных компонентов повествования, важно рассмотреть структуру нарратива, проанализировать степень взаимосвязи (или автономности) претекста и МТ на разных повествовательных уровнях. Например, одной из особенностей нарративов с МТ является эксплицитность межтекстовых связей и отношений, что связано с наличием некоторых характеристик гипертекстуальности в МТ. Также сложно выявить четкую иерархию метатекстовых и претекстовых компонентов в нарративе (МТ может явно доминировать в произведении), т.е. с точки зрения структурных характеристик вторичность МТ также воспринимается неоднозначно. Амбивалентность МТ проявляется и в том, что он может выполнять как деструктивные, так и структурирующие функции.

ПАРАГРАФ 2 А. БИТОВ «ПУШКИНСКИЙ ДОМ»: МЕТАТЕКСТ В РОМАНЕ.

МТ в «Пушкинском Доме» слагается из нескольких составляющих, локализованных в разных частях произведения. Наиболее четкие границы имеет часть МТ, размещенная в самом конце произведения в виде коммен-

тариев и приложения к ним («обрезков»). Остальные компоненты обнаруживаются на всем протяжении повествования в виде многочисленных метатекстовых элементов и фрагментов (некоторые выделены курсивом).

Комментарии преимущественно направлены на расширение исторического контекста произведения (от пушкинской эпохи до момента издания книги), а также содержат информацию о самом романе (проблемы конструирования текста, формирования художественного мира, сотворения литературных героев и т.д.). Приложения к комментариям оказываются еще более текстоцентричными, тематически они тесно сопряжены с метатекстовыми курсивными фрагментами романа. Данные фрагменты являются также своеобразными повествовательными скрепами и выступают ориентирами для читателя на перекрестке версий и вариантов романа (они расположены на границах глав). Но повествователю необходимо делиться размышлениями на протяжении всего романа, поэтому продолжительные метатекстуальные отступления возникают и внутри глав (отделены только отступами). Данные метатекстовые фрагменты не только литературоцентричны, они, как и комментарии, содержат своеобразные исторические справки и дополнения. На примере битовского МТ очень хорошо видно взаимодействие различных дискурсов, прежде всего художественно-литературного и литературоведческого. При этом некоторая теоретичность языка нивелируется авторской иронией, метафорическим обыгрыванием терминов.

Лишенный в своей совокупности цельного оформления, метатекстовый пласт, тем не менее, имеет единую тематическую направленность и приобретает вполне самостоятельное значение. Событие рассказывания оказывается настолько самодовлеющим, что воспринимается как нарратив о создании романа, параллельный первичному (претекстовому) событийному слою. МТ обладает своим специфическим хронотопом, в нем действует герой, от которого зависит все повествование. Границы события рассказывания и изображаемых событий постоянно подчеркиваются повествователем, но он всячески пытается слить воедино романное время с повествовательным (самая яркая попытка – встреча нарратора с собственным героем). А постоянно обращаясь к читателю, рассказчик создает иллюзию одновременности наррации и рецепции, что сообщает событию рассказывания некую интригу, когда процесс создания романа предстает незавершенным, творимым «по ходу чтения» – будто автор, как и читатель, еще не знает, чем закончится произведение. Фигура рассказчика также колоритно представлена в МТ, здесь не так много информации личного характера, зато очень полно отражена его творческая рефлексия, разнообразные аспекты профессиональной деятельности.

Претекст и МТ в битовском романе имеют множество взаимосвязей на разных уровнях. Пожалуй, среди остальных анализируемых произведений, в данном романе эти связи наиболее органичны. Тем не менее, метатексто-

вые компоненты вполне различимы среди многочисленных субтекстов (художественные и научные тексты персонажей; обрывки газет, афиши и пр. документы эпохи), совокупность всех текстов-в-тексте создает впечатление нарушения границ литературы и жизни, «реальности» события повествования. Также у А. Битова МТ еще не является доминирующим компонентом нарратива, хотя играет достаточно важную роль, особенно в установлении контакта с читателем, в разъяснении стратегии чтения и содействии в интерпретации романа.

ПАРАГРАФ 3 С. ДОВЛАТОВ «ЗОНА. ЗАПИСКИ НАДЗИРАТЕЛЯ»: ПИСЬМА К ИЗДАТЕЛЮ КАК МЕТАТЕКСТ.

«Зона» состоит из записок начинающего писателя об армейской службе (в Коми АССР), чередующихся с письмами к издателю – они пишутся много лет спустя, уже зрелым автором, собирающимся издать свои книги. Письма к издателю рассматриваются как МТ «Зоны». Их вторичность заключается в том, что письма (согласно сюжету) написаны гораздо позже записок надзирателя и в основном посвящены комментированию лагерных рассказов. Кроме истории написания записок в эпистолярном слое мы найдем много размышлений о творчестве, о значении литературы и роли писателя. Письма не только литературо- и текстоцентричны, в них рассказчик много говорит о себе: и о своих творческих идеях, и о частной жизни. Таким образом, благодаря письмам не только значительно расширена тематика и проблематика «Зоны», они также во многом способствуют полному раскрытию образа рассказчика. При этом сами записки практически лишены обширных описаний и комментариев, ведь статичный описательный материал (по поводу лагерных событий) вынесен в МТ-комментарий, способствуя сохранности событийного динамизма в претексте.

На первый взгляд, письма представляют собой совершенно независимый компонент произведения, не пересекающийся с претекстовым событийным рядом: действия разворачиваются в другом месте и времени (писатель эмигрировал в Америку), основными героями являются не зек и надзиратели, а писатель и издатель, да и формально письма выделены другим шрифтом (курсивом). Но между письмами и рассказами существует множество разнородных связей на всех уровнях нарратива. Прежде всего, рассказчик является одним из главных действующих лиц в обеих частях «Зоны», его образ выстраивается на пересечении обеих повествовательных линий. При этом лагерный хронотоп постоянно «вторгается» во многие письма к издателю (когда в комментариях для примера инкорпорируется событие, «случай из жизни»). А некоторые послания полностью представляют собой лагерные эпизоды, но в отличие от новеллистического слоя набраны курсивом и содержат дату (как и письма). МТ приобретает черты нарративности и благодаря наличию своеобразной обрамляющей сюжетной линии, выстраивающейся вокруг «приключений» рукописных записок. В МТ прорисовывается и еще один сюжетный вектор – развитие взаимоотно-

ношений писателя и издателя, о которых свидетельствуют разнообразные детали в письмах. Т.е. эпистолярный слой повествования приобретает целостность и связность, а благодаря множеству внутренних межтекстовых связей, размытию жанровых черт эпистолярного слоя, единства стиля и ритма повествования, письма не воспринимаются как инородные и предельно замкнуто-самостоятельные фрагменты произведения.

Говоря о коммуникативной функции МТ, следует отметить, что рассказчик обращается к читателю как бы через издателя, тем самым усиливая эффект доверительности и реальности происходящего общения. МТ во многом способствуют возникновению игры, когда стирается четкая грань между текстами писем и записок, между литературой и жизнью.

ПАРАГРАФ 4 Е. ПОПОВ «ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ "ЗЕЛЕННЫХ МУЗЫКАНТОВ": МЕТАТЕКСТ-КОММЕНТАРИЙ.

Рассказ «Зеленые музыканты», написанный, по утверждению нарратора-писателя, в 1974 г., можно считать претекстом, а комментарии к нему, созданные спустя 20 лет, – метатекстом. Формально комментарии отчетливо отделены от претекста, имеют свое название, другую дату написания. Автономна не только вся совокупность сносок, вполне самостоятельны и некоторые отдельные комментарии (некоторые сноски могут развернуться на несколько страниц). Содержательное разнообразие МТ можно свести к размышлениям о литературе и искусстве, о «Зеленых музыкантах» непосредственно (прототипы персонажей, реальная основа описываемых событий, наблюдения над собственной речью и стилем и языком эпохи в целом, интертекстуальные и интермедийные пояснения и многое другое). При этом большинство комментариев даются нарратором на фоне социально-политических реалий или имеют автобиографическую основу.

Пожалуй, вторичность МТ здесь можно оспорить только потому, что комментарии оказываются настолько самодовлеющими, что вряд ли сильно пострадают, если читать их, например, без претекста – «Зеленых музыкантов». Сноски в романе выполняют далеко не факультативную функцию – даже жанр самим Е. Поповым определен как роман-комментарий. Именно наличие комментариев, их структура и содержание основательно влияют на формирование художественного мира, фабулы и сюжета повествования. Они выполняют множество разнородных и весьма противоречивых функций, когда МТ то дополняет художественный мир претекста, то его умалчивает и деконструирует. Фабульная основа «Зеленых музыкантов», прозрачная на первый взгляд, при этом оказывается довольно размытой именно из-за противоречий авторских комментариев, затемняющих «реальную» последовательность событий литературной действительности. Тем более трудно говорить о сюжете романа в целом (хотя можно выявить сюжет рассказа-претекста) или о каком-то общем сюжете (метасюжете) МТ-комментария. В МТ имеется множество минисюжетов, которые сложно выстроить в какой-либо последовательный ряд, т.к. связи между ними но-

сят нелинейный разновекторный характер. Строение комментариев скорее сопоставимо со структурными характеристиками гипертекстов. и здесь мы можем говорить о комментариях как о некотором едином тексте с точки зрения постмодернистской эстетики.

Примерно в той же манере связаны и сноски с претекстом. Комментарии Е. Попова весьма субъективны и непредсказуемы – кажется, что основная задача автора сводилась к тому, чтобы написать непременно 888 сносок (число бесконечности), и в первую очередь именно исходя из этого числа, а не из содержания «Зеленых музыкантов», были оформлены примечания. С одной стороны, комментарии весьма дополняют и разнообразят фактографический материал, представленный в «Зеленых музыкантах». дают фон, расширяют контекст, при этом амплитуда охвата материала предельно широка, предельна настолько, что сложно выделить ведущие темы и мотивы. Поэтому, с другой стороны, обилие сносок, их относительная самостоятельность и условная связь с претекстом как бы упраздняют последний, опустошают его. А своеобразная манера письма, пародийность (стеб), в свою очередь, подвергает сомнению документальность фактов и имен. «правдивость» и значимость в романе самих комментариев. Таким образом, при выявлении роли МТ в данном произведении особенно явно проявились его амбивалентные черты и те противоречивые тенденции, которые он вносит в постмодернистское повествование.

ПАРАГРАФ 5 Н. БАЙТОВА «НЕ-Х»: МЕТАТЕКСТ-МАНИФЕСТ И МЕТАТЕКСТ-ДИАЛОГ.

При анализе сочинения Н. Байтова «Не-Х» мы попытались сосредоточиться на тех чертах проявления метатекстуальности, которые не были акцентированы у А. Битова, С. Довлатова и Е. Попова. Формально это произведение выглядит как небольшой сборник рассказов. В аспекте метатекстуальности нам наиболее интересны три из них. Первый «Эстетика "не-Х"» – это, скорее статья, своего рода манифест, где писатель-нарратор выражает свою эстетическую позицию, которой старается следовать на протяжении всего повествования. Предпоследний рассказ «Траектория "Дед Мороз"» представляет собой событие рассказывания «в чистом виде», диалог с читателем. Претекстом в нем выступает «содержимое записных книжек», которые пытается прокомментировать писатель. Выявить здесь сюжет (да и просто пересказать содержание) практически невозможно. Событийной основой можно как раз считать только событие рассказывания, «непосредственного» общения с читателем. Нарратор учитывает самые различные стороны читательского восприятия, остро ставит проблему восприятия, интерпретации, реакции на текст. И последний рассказ «Холодно и пустынно» – некий итог, завершающее размышление об эстетике, о литературе, явно перекликающийся с «Эстетикой "не-Х"». Мы рассматриваем эти части «Не-Х» как МТ.

МТ (наряду с немногочисленными метатекстовыми элементами) служит объединяющим компонентом в сборнике Байтова, хотя сам при этом не является единым замкнутым текстом. «Не-Х» представляет собой некоторый повествовательный конструкт, где первую и последнюю части можно обозначить как привычные пролог и эпилог, а предпоследнюю – как вынесенное отдельно и акцентированное событие рассказывания, диалог с читателем. Таким образом, МТ можно интерпретировать двояко: как некое (вторичное) обрамление к небольшому «сборнику рассказов» или как нечто первичное и сущностное в повествовании – изложение эстетического кредо и иллюстрации к нему (примеры в виде рассказов). Можно даже построить следующую повествовательную цепочку: введение («Эстетика "не-Х"»), иллюстрации (последующие рассказы); попытка подытожить – как вообще возможно восприятие автором действительности и ее литературной реинтерпретации и насколько близко приближается к авторской идее читатель, что и как он воспринимает («Траектория "Дед Мороз"»), и, наконец, завершение, итог – как размышление о смысле художественного творчества для мира и для самого писателя («Холодно и пустынно»). Соответствуя провозглашенным критериям эстетики не-Х, байтовский текст лишен «единой организации пространства» (Н. Байтов). Но именно наличие МТ позволяет рассуждать о связности всего «сборника». Преимущественно в МТ сообщается необходимый минимум информации о нарраторе, что отчасти позволяет сплотить повествование также и единым нарраторским голосом. Но, несмотря на наличие вполне определенных биографических черт, МТ здесь более литературоцентричен, скорее объективен и теоретичен, чем субъективен. Здесь даже бросается в глаза «нелитературность» МТ в силу его повышенной рефлексивности – особенно интеллектуализирован язык писателя, благодаря которому возможно столь активное пересечение различных (нехудожественных) дискурсов в байтовой прозе. И, конечно, язык и стиль рассказов контрастирует с метатекстовым слогом, что, впрочем, как раз и отвечает поставленным эстетическим задачам.

В ПАРАГРАФЕ 6 ЭВОЛЮЦИЯ МЕТАТЕКСТА В РУССКОЙ ПОСМОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XX ВЕКА подводятся итоги литературоведческого анализа произведений А. Битова, С. Довлатова, Е. Попова, Н. Байтова. Перечисляется ряд общих характеристик (обозначенных в теоретической модели) литературных МТ: литературо- и текстоцентричность; авторефлексивность; вовлечение широкого историко-культурного контекста в произведение; экспликация не только самого МТ, но и границ между рассказываемыми событиями и событием рассказывания и т.д. Также учитываются оригинальные отличительные черты разных МТ, связанные не столько с индивидуальностью творчества исследуемых авторов, сколько со степенью развернутости МТ, его значимости и независимости в нарративе. Это позволяет проследить на исследуемом материале тенденции в изменении метатекстуальности во времени, такие как рост ав-

тономности МТ, усиление нарративности МТ, нарастание неоднозначности и противоречивости функций МТ в произведении.

В **ЗАКЛЮЧЕНИИ** обобщаются полученные результаты и излагаются основные теоретические выводы исследования.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ диссертации отражены
в следующих публикациях:

1) *Баринова Е. Е.* Метатекст в роман Е. Попова «Подлинная история "Зеленых музыкантов"» // *Филология и человек: научный журнал.* – 2007. – № 2. – С. 103-110.

2) *Баринова Е. Е.* О некоторых аспектах метатекстуальности в литературном тексте // *Филологический анализ текста : сб. науч. ст. Вып. VI [Текст] / под ред. В.И. Габдуллиной.* – Барнаул: БГПУ, 2007. – С. 3-11.

3) *Баринова Е. Е.* Метатекст в произведении Н. Байтова «Не-Х» // *Сибирский филологический журнал.* – 2007. – № 4. – С. 109-113 (публикация осуществлена в издании, входящем в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ).

4) *Баринова Е. Е.* Метатекст в произведении С. Довлатова «Зона» // *Молодая филология: Материалы межвуз. науч. конф. 17-18 апреля 2006.* – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2007. – С. 114-122.

5) *Баринова Е. Е.* Герой нашего времени в романе А. Битова «Пушкинский дом». Картина мира и литературная реальность (в печати).

Технический редактор Н.М. Петрив

Подписано в печать 15.05.2008. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ № 182.

Тверской государственный университет

Редакционно-издательское управление

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.

Тел. РИУ: (4822) 35-60-63.

10-